

В. П.
СВЕНЦИЦКИЙ

Сочинения

Валентин Свенцицкий

Мать

«Public Domain»

1911

Свенцицкий В. П.

Мать / В. П. Свенцицкий — «Public Domain», 1911

«...Ниночку привезли в автомобиле какие-то люди. В комнату внесли на руках и положили на постель. Они успокаивали Анну Григорьевну. Брали её за руки. Говорили что-то. Но Анна Григорьевна могла понять только одно: Ниночку чуть не убил за городом какой-то бродяга – случайно проезжавшие в автомобиле люди спасли её. В комнатку набралось много народа. Все чужие, незнакомые лица. Говорили шумно и горячо...»

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Валентин Павлович Свенцицкий

Мать

I

Это случилось поздно вечером.

Ниночку привезли в автомобиле какие-то люди. В комнату внесли на руках и положили на постель. Они успокаивали Анну Григорьевну. Брали её за руки. Говорили что-то. Но Анна Григорьевна могла понять только одно: Ниночку чуть не убил за городом какой-то бродяга – случайно проезжавшие в автомобиле люди спасли её.

В комнатку набралось много народа. Все чужие, незнакомые лица. Говорили шумно и горячо. Но Анна Григорьевна не могла встать с места и неподвижно сидела около постели.

Наконец ушли. И в маленьких комнатках стало совсем тихо.

Ниночка лежала несколько часов в глубоком обмороке. Когда очнулась и увидала над собой лицо бабушки, с такими жалкими, испуганными глазами и странно полуоткрытым ртом, начала плакать бессильно и тихо. Скорей закрыла глаза, не могла смотреть...

Старушка не выдержала, обхватила руками голову своей Ниночки, припала к ней и зарыдала:

– Деточка ты моя... Маленькая ты моя...

Ниночка ненадолго приходила в себя, смотрела сквозь слёзы на склонившееся над ней испуганное, жалкое лицо бабушки и снова впадала в полузабытьё.

Утром начался бред.

Приходил доктор, старичок, худенький, лысый, в больших очках в чёрной оправе. Прописал рецепт и сказал:

– Опасного ничего нет, больная нуждается в абсолютном покое...

Опять в маленьких комнатах целый день толпились какие-то люди. О чём-то спрашивали Анну Григорьевну. Что-то объясняли ей...

К вечеру, слава Богу, ушли все. И опять стало тихо-тихо.

Ниночка лежала теперь с открытыми глазами. Взгляд её был тяжёлый и пристальный. Она часто стонала и просила пить. Анну Григорьевну не узнавала и спрашивала: «Где бабушка?»

– Это я... Вот я, Ниночка... – задыхалась от слёз Анна Григорьевна.

Ниночка смотрела на неё, совсем как чужая, и говорила:

– Бабушка не должна знать... Я одна... Как-нибудь, одна.

Она и комнаты своей не узнавала. Ей казалось, что она брошена в поле. В сырой тёмной траве... Она задыхается от ужаса и острой боли... Рябое лицо... синие мокрые губы.

И прерывающийся голос, хрипит прямо в уши...

И она начинала кричать и биться:

– Унесите! унесите меня!.. Убейте... я не могу... Не могу я...

Днём Ниночка успокаивалась. Засыпала. Несколько раз приезжал старичок в больших очках. Всё прописывал новые лекарства, покачивал головой и говорил:

– Больная нуждается в абсолютном покое...

Недели через две, как-то рано утром, Ниночка позвала:

– Бабушка!

И голос у неё был новый: тихий и ласковый.

Анна Григорьевна подошла. Ниночка улыбнулась ей. Потянула её к себе. Поцеловала и сказала едва слышно:

– Я буду жить... бабушка...

И повернулась к стене, чтобы не расплакаться. Вечером пришёл доктор, остался больной очень доволен.

– Теперь неделя покоя – и вы будете здоровы...

Доктор оказался прав: через неделю Ниночка встала.

II

Но выздоровление шло очень медленно...

Ниночку нельзя было узнать: вся она стала какая-то другая. Раньше, бывало, полчаса спокойно посидеть не могла. А теперь усядется в кресло против окна и сидит так несколько часов, всё о чём-то думает. Подзовёт к себе Анну Григорьевну и молча ласкается к ней и жмётся, точно зябнет. Из дому никуда не выходит: «очень шумно, голова кружится», и потом: «через улицу переходить боюсь». Дверь заперли, и Ниночка собственноручно написала записку: «Никого не принимают». Даже звонок подвязала.

О «том» не говорили ни слова.

Боялись говорить. Обманывали себя – делали вид, что теперь всё кончилось и что всё страшное надо забыть. Но не могли пристально смотреть в глаза друг другу: обе понимали, что самое страшное впереди. Об нём-то и боялись думать больше всего. И в то же время его ждали каждый час, об нём только и думали.

Анна Григорьевна говорила, что пальмы сохнуть начали и не лучше ли вынести их в сад. Говорила, что приходила соседка Александра Игнатьевна, у неё корова отелилась и она предлагает носить молоко на дом. Не снять ли у Ниночки в комнате занавески, от них душно и пыльно. Говорила о всяких мелочах, но глазами и голосом спрашивала всё о том же, сама пугаясь своего вопроса.

И вот то, о чём так страшно было думать, случилось...

Поздно вечером Ниночка постучалась к Анне Григорьевне:

– Ты спишь, бабушка?

– Нет. Ты что, Ниночка? – дрогнувшим голосом окликнула её Анна Григорьевна
Ниночка вошла.

Анна Григорьевна хотела встать ей навстречу, но взглянула на неё и почувствовала, что ноги холодеют и подкашиваются, как в тот первый вечер... В застывших, потемневших глазах Ниночки, в искажённом, побледневшем лице она прочла то, чего ждала с таким ужасом.

Ниночка медленно подошла к постели. Села рядом с бабушкой, обняла её, прижалась к её лицу. И руки её, и всё тело дрожали мелкой дрожью.

В комнатке было темно. Только в углу угасал красноватый свет лампадки; медленные тени тревожно скользили по стенам и потолку.

С улицы доносился жуткий глухой шум, приближаясь, холодным кольцом окружая дом, – точно назойливо заглядывая в черные окна.

Сидели долго, обнявшись, не произнося ни слова.

Вдруг Ниночка нагнулась к уху Анны Григорьевны и заговорила быстро-быстро, шёпотом, останавливаясь, чтобы перевести дух: дрожь мешала ей и зубы стучали как в ознобе:

– Я всё время об этом думала... только об этом и думала... Я не хотела говорить тебе... Думала, с ума сойду... Ненавижу я его... ненавижу я его!.. Я убью себя вместе с ним... Он расти во мне будет!.. Такой же, как тот... Я знаю... Я наверное знаю, что он, как тот... Все равно я задушю его... Лучше сейчас... вместе с собой... Ты прости, бабушка... Ты забудь меня... Я больше жить не могу, бабушка...

И Ниночка в иступлении упала к ней на колени и билась головой о постель, задыхаясь от горя. Она больше не сдерживалась. Она весь ужас свой выплакать хотела.

Анна Григорьевна крестила её и, сама не сознавая, что говорит, повторяла:

– Грешно, Ниночка... Терпеть надо... Грешно так...

Ниночка так ослабела, что не могла дойти до своей комнаты, осталась у бабушки. Анна Григорьевна испугалась, позвала утром старичка в больших очках.

Он покачал головой, прописал лекарство и сказал:

– Так совершенно невозможно: больная нуждается в покое.

Ниночка пролежала несколько дней. Когда ей стало лучше, Анна Григорьевна спросила:

– Можно с тобой поговорить?

– Можно.

Анна Григорьевна села к ней на постель.

– Ты только не расстраивайся, а то я лучше не буду.

– Нет, ничего, – серьёзно сказала Ниночка.

Бабушка не плакала и пристальным, новым для Ниночки взглядом смотрела на нее.

– Я всё знаю, – сказала бабушка, – горе большое, верно, – только терпеть надо. Так верно

Богу угодно. Ты будешь терпеть, Ниночка, до конца всё...

Ниночка молчала.

– Ты мне слово должна дать.

– Пока хватит сил, буду терпеть, – тихо, но твёрдо проговорила Ниночка.

Бабушка ушла в свою комнату и долго не возвращалась. А когда пришла, лицо её было спокойное и светлое. Морщинки разгладились. Она подошла к постели и сказала ласково:

– Ниночка, ты, может быть, встала бы?

– Не хочется, бабушка... да и незачем...

– Как незачем? жить-то надо же...

Ниночка улыбнулась.

– Ну, что же, попробую...

Она встала, перешла к окну, на кресло, посмотрела в сад.

– Бабушка, листья жёлтые!.. – удивилась Ниночка.

– Пора, сентябрь месяц.

– Да, правда, а я и не заметила...

Узенькие дорожки в саду были покрыты красными листьями тополя. Бледно-золотая рябина покачивалась по-осеннему, и на ней, как серебряные нити, блестела паутина.

– Я и не заметила, – задумчиво проговорила Ниночка.

III

Ребёнок должен был родиться в начале мая.

Бабушка ни за что не хотела отпускать Ниночку в больницу. Там не позволят день и ночь сидеть у постели: мало ли что может случиться.

Ниночка на всё соглашалась. На неё нашло какое-то тупое равнодушие. Всё ей было безразлично.

В самый последний день бабушка спросила её:

– Может быть, доктора позвать?

Ниночка даже удивилась:

– Доктора? Зачем это? – И поспешно прибавила: – Нет-нет, не надо...

Ночью бабушка услышала за стеной слабый сдавленный крик. У Ниночки начались боли, но она терпела, пока сил хватило.

Анна Григорьевна вошла в комнату. Ниночка лежала, вытянувшись на постели, судорожно закинув назад голову. Под глазами легли тёмно-синие круги, напряжённо-застывшее лицо вытянулось, и сквозь стиснутые зубы вырывался странный, не похожий на голос Ниночки, равномерный крик.

Пришла акушерка, суетливая, с жилистыми веснушчатыми руками. Шумно начала переставлять всё в комнате по-своему.

Переложила Ниночку на другую кровать.

– За доктором не надо ли? – всё спрашивала её Анна Григорьевна.

Акушерка обиженно пожимала плечами и говорила:

– При чём тут доктор, не понимаю.

А крик становился всё громче, всё чаще и настойчивее. Промежутков почти не было. Только иногда, точно в забыты, Ниночка прерывала его отрывистыми словами:

– Трудно мне... ой... не могу я... трудно мне...

Но скоро не стало и этих слов, начался беспрерывный, всё усиливающийся крик, даже не похожий на человеческий голос.

Рано утром ребёнок родился. Его унесли в бабушкину комнату. Ниночка лежала как мёртвая. Глаза ввалились. Нос заострился, худые прозрачные руки упали на простыню.

– Мальчик! – объявила акушерка.

– Позовите бабушку, – тихо сказала Ниночка.

Пришла Анна Григорьевна.

– Что ты, Ниночка?

– Принеси его ко мне... – одними губами выговорила она.

Бабушка поняла и робко спросила:

– Может быть, после?

– Принеси... – повторила Ниночка.

Анна Григорьевна ушла. Вернулась вместе с акушеркой. Но ребёнка несла сама: красненького, сморщенного, с длинными рыжеватыми волосами.

Ниночка взглянула на него. И вдруг, неожиданно для себя, приподнялась и, точно отталкивая кого-то руками, закричала:

– Унесите!.. Унесите его!..

Акушерка засмеялась:

– Все молодые мамы так: боятся, что маленькому сделают больно.

Она проворно выхватила его из рук бабушки и унесла.

У ребёнка был большой рот, и Ниночке показалось, что губы у него синие, а ноздри вывернуты наружу. Лицо маленькое, сморщенное, но губы и ноздри мелькнули отчётливо, точно нарисованные.

Когда она пришла в себя и начала вспоминать лицо ребенка, она не могла дать себе отчёта: показалось ей сходство или было на самом деле. Успокаивала себя: конечно, показалось... Я так этого боялась, вот и почудилось... Разве у ребенка могут быть такие губы...

Бабушка стояла растерянная, испуганная. Ниночка заметила это и, не глядя на неё, сказала:

– Мне показалось... Теперь прошло... Я больше не буду так...

– Может быть, кормилицу лучше?

– Нет, я сама.

– Подумай, Ниночка.

– Сама.

Акушерка вернулась, услышала, о чём говорят, и вмешалась:

– Лучше всего самой кормить. Я не понимаю, что за охота возиться с кормилицей? И расход, и неудобства. Ребёнок слабенький, мало ли что может случиться: а потом обвиняют медицину...

Бабушка только вздохнула. Настаивать не стала.

Первый раз принесли его кормить вечером. Ниночка прежде, чем положить на постель, внимательно на него посмотрела...

...Ну, конечно, показалось!.. Рот, правда, большой, но губы тоненькие и розовые, как у всех детей... Нос широкий и ноздри какие-то странные... но у детей всегда носы бывают некрасивые...

Бабушка положила его около груди. Когда он зацарапал ручками и прикоснулся к её телу тёплым ртом, она сжалась вся и невольно подалась назад, точно холодная волна прошла по ней. Ребёнок заплакал. Она сделала над собой усилие и придвинулась снова.

Ниночка лежала так близко, что чувствовала всё его маленькое тельце. Одной рукой он упирался ей в грудь и глотал жадно, нетерпеливо задыхаясь.

Закрыла глаза, чтобы ничего перед собой не видеть, ни о чём не думать.

Грудь согрелась. Теплота медленно разливалась по всему телу. Как будто бы тело оттаивало.

Голова кружилась и хотелось тихонько заплакать...

...Губы у него совсем тоненькие и розовые... Ручки худенькие... А на пальчиках уже ногти есть... Такой тёпленький, такой маленький, беспомощный...

Он лежит так близко, что слышно, как сердце у него бьётся. Иногда даже кажется, что в груди у неё два сердца. Теперь и не узнаешь, где он. Точно прирос к ней. Он ли такой горячий, или грудь её стала такой горячей?.. Ну и хорошо. Пусть так и будет: и он, и она совсем вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.